

Взгляд на историю Южной Осетии

через призму творчества Григория Котаева

Мargarита Плиева,

кандидат искусствоведения, председатель регионального отделения АИС по РСО-А, член правления Фонда культуры им. Г. Котаева

Ведь что такое, если вдуматься, аристократизм? Это есть чувство рода, корня, древа, своей вертикали, сращенности именно с этой землей... где род и имя, и память о нем в истории сохраняется.

Г. Д. Гачев [1]

Национальную культуру надо рассматривать с больших позиций, во взаимосвязи с культурой других народов.

Г. С. Котаев [2]

Самоидентификация народа определяется тем, насколько далеко в глубь веков уходят его корни. Первые упоминания о предках осетин восходят к III тыс. до н. э. Нами предпринята попытка на примере портретов выдающихся деятелей, ученых, врачей, писателей, поэтов и исторических полотен художника Григория Котаева охарактеризовать пройденный Южной Осетией исторический путь.

Григорий Сесеевич Котаев (1926–1992) – заслуженный художник ГССР, народный художник РЮО, лауреат Государственной премии имени К. Л. Хетагурова, скульптор,

Григорий Котаев.
Москва, 1951

Г. Котаев, защита дипломного проекта. 1956

живописец, график, мастер декоративно-прикладного искусства, публицист, сатирик, писавший на русском и осетинском литературном языке, педагог, крупный общественный деятель. Его творчество сыграло ведущую роль в становлении югоосетинской школы живописи.

Г. Котаев родился 25 апреля 1926 г. в селе Ногир Орджоникидзевогo района СОАССР в семье служащего. В 1945 г. окончил живописно-педагогическое отделение Сталининского художественного училища [3]. В семейном архиве хранится черно-белый снимок его дипломной работы: в сельский дом, занятый гитлеровцами, врываются партизаны. Сюжет, композиция, ритм, пластика передают торжество победы над врагом.

В 1946 г. Котаев поступил в Московский институт прикладного и декоративного искусства (МИПИДИ), но по семейным обстоятельствам вынужден был перебраться поближе к дому, в Тбилисскую академию художеств. Окончив 2-й курс живописного факультета, будучи «притеснен нуждой» [3], вернулся в Осетию. В 1952 г. Котаев вновь едет в Москву, в МИПИДИ; вскоре институт был переведен в Ленинград – объединен с Ленинградским высшим художественно-промышленным училищем им. В. И. Мухомой. «Тов. Котаев дисциплинированный, энергичный, хорошо успевающий студент. В течение 3-х лет активно работал председателем Студенческого Совета общежития училища. В области изобразительного искусства отличался серьезным отношением к делу и показал хорошие результаты в живописи и рисунке» [3].

Котаев окунается в гущу художественной жизни Северной столицы, знакомится с творчеством выдающихся живописцев, в Библиотеке им. А. С. Грибоедова слушает цикл лекций «Русская классическая и зарубежная музыка». Все свое время он посвящает совершенствованию мастерства – не только в классах, но и в Русском музее, и в Цхинвале во время каникул...

В 1956 г. Григорий Котаев с оценкой «отлично» защитил дипломную работу – «Проект росписи кассового вестибюля Ленинградского метро «Технологическая» на тему «Наука и техника» – под руководством Г. И. Рублева и М. А. Шепилевского [3].

Становление Котаева-художника связано с такими известными именами, как М. С. Туганов, М. И. Тоидзе, Ю. А. Дзантиев, Р. Р. Френц, И. П. Веселкин, Г. А. Савинов, К. Л. Иогансен, Г. И. Рублев. Их опыт оказал большое влияние на формирование изобразительного языка и творческого метода молодого художника. Теплое отношение к наставникам Котаев пронес через всю жизнь. Спустя два десятилетия Г. И. Рублев так обращается к нему: «Дорогой Гриша! Большое спасибо за память. Я тоже с большой теплотой отношусь к моим «сыновьям», моим воспитанникам, которых теперь у меня много за сотню и живут они и творят по всему Советскому Союзу...» Г. А. Савинов замечает: «Я очень

«Рождение фандыра». Роспись Юго-Осетинского госдрамтеатра им. К. Л. Хетагурова на сюжеты Нартовских сказаний. 1957–1958. В соавторстве с У. Гассиевым

«Тамара и Давид-Сослан». Х., м. 180×280. 1959. В соавторстве с Б. Санакоевым и У. Гассиевым

«Бурдухан». Х., м. 110×52. 1964

хорошо помню всю вашу группу, 56 год, ваши дипломы и всегда вспоминаю это время с чувством большой радости», а И. П. Веселкин пишет: «Дорогой Гриша! У меня о Вас самые светлые воспоминания. Очень хотелось бы с Вами увидеться» [4].

После окончания учебы Сталинир-Цхинвал становится постоянным местом жительства Котаева, он преподает в Художественном училище им. М. С. Туганова, а с 1962 по 1971 г. – в период наивысших достижений училища – занимает должность его директора [5].

Котаев с интересом изучает легендарную историю предков, «будит душу от мелочей будничного величавыми образами», исследует Нартовский эпос [6], который «поражает богатством и разнообразием сюжетного материала» [7]. Результатом изучения эпоса стала роспись, совместно с однокурсником по МИПИДИ У. Гассиевым, интерьеров Юго-Осетинского драматического театра им. К. Л. Хетагурова (1957–1958). Бело-красно-желтый колорит росписи повторяет триколор аланского флага, олицетворяющего чистоту, мужество, процветание. В 2004 г. при попадании снаряда в здание театра роспись погибла. Чудом сохранилась цветная фотография многофигурного фрагмента «Рождение фандыра».

«Царство скифов просуществовало до III века н. э. Однако «скифский след» не исчез с лица земли. Эстафета великого скифо-сарматского мира была подхвачена аланами – одним из выживших скифо-сарматских племен» [8]. Котаев создал галерею портретов аланских царей XI–XII вв. – Урдур, его сына Дургулея Великого, Худдана, Ос-Багатара, Давида-Сослана и грузинских цариц аланского происхождения – Бурдухан и Тамары.

Седобородый старец Урдур стоит, опираясь на посох, на его могучие плечи накинут изумрудный плащ. Бордовый плащ Дургулея Великого подчеркивает смуглость того, чьи «дипломатические и военные шаги нередко оказывались решающими для судеб многих народов» [9]. Золотой блеск короны Худдана, в образе которого художник изобразил своего отца, переключается с золотом щита и рукоятки меча.

Дочь Худдана и жена грузинского царя Георгия III Бурдухан была «столь просвещенной и общеизвестной, что... о ней знала вся Грузия: умение читать и писать по-грузински, по-арабски, по-гречески принесла Бурдухан из своей страны. Такого совершенства, как Бурдухан, не видывала еще Картли» [10]. На портрете работы Котаева Бурдухан предстает в бархатном кафтани

с двойной золотой окантовкой, нагруднике с золотыми застежками, в золотой короне, переливающейся драгоценными камнями.

«После царя Георгия царствовала Тамара. Она с детства любила Осетию и большую часть своей жизни проводила в Осетии, хорошо знала осетин и их страну, так как в это время осетины были общеизвестны во многих делах. Давид-Сослан, аланский царевич из рода Царзонта, муж и соправитель царицы Тамары, воспитывался в Осетии и там же получил образование; был автором ряда рукописных книг» [10]. Поэты золотого века Грузии с гордостью называют его «великий осетин Давид (Чахруха)» [11]. На картине «Тамара и Давид» (создана в соавторстве с Б. Санакоевым и У. Гасиевым) запечатлен выход царицы, которую с почтением встречает Давид-Сослан. Картина была написана к 1500-летию Тбилиси.

На период монгольского завоевания пришлось царствование Ос-Багатара, самого известного из фольклора, но недостаточно изученного историками царя средневековой Алании: «В Осетии был царь сильный, (о том) говорили пранги (европейцы), // Хазары и валахи; // Его звали Багатаром, мы не могли найти равного ему: // Красотою, силою, доблестью он удивлял всех видевших его» [12]. На полотне Котаева Ос-Багатар, осадивший вздыбившегося коня, олицетворяет волю, уверенность и спокойствие.

Не одно десятилетие шли переговоры между представителями знатных осетинских родов и российскими послами, и в 1774 г. Осетия (в ее средневековых границах) добровольно вошла в состав Российской империи.

Период с 1816 по 1827 г. известен в истории Кавказа как «ермоловская эпоха». Портрет долгожителя Ягора Короева – одна из ранних работ Г. Котаева. 157-летний житель Юго-Осетинской автономной области Ягор Короев в молодости «находился при особе наместника его Императорского величества в Закавказье А.П. Ермолове и, служа на княжеской кухне с 1816 по 1827 г., стал отменным поваром» [13]. Загорелое морщинистое лицо Короева написано с большой теплотой. Старик мягко и лукаво улыбается, его взгляд обращен не на зрителя, а в «уединенье души».

О Кавказской войне на территории Южной Осетии Котаев рассказал в портретах народных героев. В 1830 г. жители Чесельтского ущелья покорились русским войскам, но Бега Кочиев с тридцатью представителями рода, укрывшись в башне в селении Кола, продолжили сопротивление и погибли. Котаев изобразил Бега Кочиева на фоне башни, «где тридцать человек со спартанской твердостью защищались около суток против полуторатысячного русского отряда» [14].

«Долгожитель Ягор Короев. 157 лет». К., м. 22x15. 1957

«Элегия». Х., м. 170x100. 1960-е

«Ос-Багатар». Х., м. 116x93. 1959

«Бега Кочиев». К., м. 50x70. 1959

Он сидит, откинувшись назад, белый башлык закинут за плечи, поблескивает рукоятка кинжала. Пробивающиеся сквозь плотные облака солнечные лучи образуют над его головой своеобразный нимб.

В 1850 г. комиссия военного суда постановила: «...прапорщика Махамата Томаева... лишить всех прав состояния, чина прапорщика и медали, сослать на каторжную работу». «Причину же, побудившую его, Томаева... быть зачинщиком бунта и беспорядков, он пояснил только ту: что хотя князя Мачабеловы и не требовали от него никаких повинностей, но все осетины обратились к нему с просьбою... защитить их, почему он и вступился в их дело» [15]. В истории Южной Осетии фигура Махамата Томаева оценивается неоднозначно. Однако на пояском портрете Котаева это храбрый воин, человек долга, народный герой. Построенная по диагонали композиция динамична и воспринимается как кадр мгновенной фотографии.

Вторая половина XIX в. – период творческой и общественной деятельности К.Л. Хетагурова. «Элегия» Котаева, полная задумчивой грусти, очевидно, навеяна поэмой «Фатима». В изображении ночного неба и пещеры в горах Котаев использует метод

кристаллизации форм. Цветовой строй работы основан на противопоставлении тьмы и тончайшей, похожей на амальгаму световой поверхности, сквозь которую проступает женский силуэт. «Прохладой веет с синих гор... // Меж тем Фатима до сих пор // Сидит, - считает будто волны» [16].

XX век ворвался в жизнь людей революциями и войнами...

Гражданской войне посвящено полотно «Переход партизан через Мамисонский перевал». В феврале 1921 г. восставшие рабочие и крестьяне Грузии обратились за помощью к Советской России. На картине Котаева революционный отряд, огибая заснеженную горную грядку, преодолевая холод, голод и опасности, идет из Владикавказа на помощь восставшим.

В июле 1940 г., когда в Европе уже бушевала Вторая мировая война, жители Сталинграда ждали прибытия в столицу ЮОАО первого поезда со станции Гори [17]. Строителей железной дороги, проложенной на год раньше запланированного срока, Котаев запечатлел на листе «Бегара». Плотными, тесными рядами подходят дорожники к краю холста. Художник использовал четкую линейную замкнутость и вместе с тем сохранил «читаемость» персонажей. Вертикальному ритму фигур дорожников с кирками и лопатами в руках противостоит мягкая, волнистая линия горной гряды на горизонте. В годы войны железная дорога Сталинград-Гори стала важнейшей артерией снабжения советских войск на Северном Кавказе, в том числе грузами, поступавшими от западных союзников по коридору Иран-Закавказье [18].

Тяжелейший путь пришлось пройти героям Великой Отечественной, велика цена победы...

В июле 1969 г. художники Б.И. Санакоев, Г.С. Котаев, В.Н. Кокоев и историк И.Н. Цховребов выехали в Ростов [19]. Через год на суд зрителей был представлен знаменитый «Парадный портрет генерала армии И.А. Плиева» - дважды Героя Советского Союза.

Светлый фон и белая рубашка оттеняют загорелое, с глубокими морщинами лицо Георгия Дзугаева - поэта, переводчика, автора более 40 книг, изданных на многих языках. Он весь естественность, спокойствие и... усталость. Раннее детство Г. Дзугаева прошло под страхом уничтожения по национальному признаку; с первых дней Великой Отечественной войны он участвовал в боях, попал в концлагерь, бежал. В 1946 г. Дзугаев был назначен главным редактором юго-осетинского

«М. Томаев». К., м. 70x50. 1959

«Бегара, дорожники 1940-х». Х., к. 82x140. 1964

«Поэт-фронтовик Г. Дзугаев». К., м. 70x50. 1970-е

«Профессор Васо Абаев». К., м. 70x50. 1977

художественно-литературного альманаха «Фидиуаг» («Глашатай»). В стихотворениях «Я люблю жизнь», «Мой язык», «Весна» и других он поет гимн жизни, пробуждающейся природе. По воспоминаниям сына, К. Дзугаева, он был «суров, неразговорчив, пронизителен, дальновиден. Осетинским языком владел, если можно так сказать, природно-естественным, искренним, чистым и сильным» [20]. В поэзии видна другая грань его личности - лиризм и трепетная любовь к родной земле, к своему «маленькому народу», который взрастил его и наполнил сердце всепобеждающим чувством любви: «Жар души несет во все края, // Шар земной кружит любовь моя» и ответственности: «Он весь мир принес на мой порог - // Для того, чтоб я его сберег». Поэт обращается к своему маленькому Иру - Иристону - Осетии: «Сквозь дымку веков его вижу, // Мой маленький Ир, то не ты ли // Из войн весь израненный вышел // И новой наполнился силой?» [21].

На портрете «Ю. С. Кучиев. Покоритель полюса» Котаев запечатлел героическую страницу в истории человечества, главным героем которой стал его земляк и большой друг Юрий Кучиев - Герой Социалистического Труда, капитан первого в истории судна, достигшего Северного полюса в надводном плавании. Художник изобразил его на фоне зажатого льдами атомного ледокола «Арктика» и салютующего

экипажа, высадившегося на льдину. В одном из писем художнику Кучиев писал: «Дорогой Григорий Сесевиич! <...> Глубоко убежден, что именно пребывание в тесной среде соплеменников дало мне тот самый душевный настрой, без которого нельзя было братья за штурм Северного полюса. Спасибо вам, родные, за то, что вы есть, за постоянное тепло ваших сердец» [4]. (Местонахождение портрета неизвестно.)

К образу В. И. Абаева – ираниста-осетиноведа, доктора филологических наук, старшего научного сотрудника Института языкознания АН СССР, действительного члена Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии, члена-корреспондента Финно-угорского общества (Хельсинки), лауреата Государственной премии СССР – художник обращался дважды. Васо Ильич подчеркивал, что «гордится дружбой» и высоко ценит Котаева «как художника и человека»: «Нам тоже очень недостает общения с Вами» [4]. Портрет В. И. Абаева со скрещенными на груди руками, «озаряющего» все вокруг «горением творческого духа», был преподнесен ученому к 95-летию [22]. Спокойное достоинство передал художник в портрете Ксении Цхурбаевой – музыковед, фольклориста, критика, публициста, жены и друга В. И. Абаева.

Нафи Джусойты – драматург, публицист, доктор филологических наук, член-корреспондент АН ГССР, автор более 400 научных работ, переводчик на осетинский язык русских, украинских, грузинских классиков, ветеран Великой Отечественной войны. Произведения самого Джусойты переведены на русский, грузинский, украинский, польский и казахский языки. На портрете работы Котаева Нафи Григорьевич – близкий, душевно родственный человек, ценящий, как и художник, «свет небесный Солнца»: «Пусть будущего нет у старика, – // Есть – упование: Солнце, свет небесный!.. // Чем я воздам, живи я хоть века // Твоим щедротам? Ни – вином, ни – песней. // И все же, Солнце, благоволь, свети... // Чтоб Землю мрак не совратил с пути, – // И не жалеи, молю, тепла для Ира!» [23].

На фоне здания больницы изобразил художник хирурга Падо Кабисова. Выпускник сталинградского медтехникума, в годы войны работавший в эвакогоспитале, Кабисов стал основоположником югоосетинской школы хирургии. О его высоком профессионализме и большом личном авторитете слагали легенды [24]. Котаев часто обращается к профильному портрету: именно так он передает гордую красоту и благородство хирурга И. С. Пухаева – заслуженного врача ГССР, изображает участников Великой Отечественной войны, и в их числе радиста штурмового полка М. Тибилова, друга детства...

Работа «Эхо войн прошедших» – свидетельство горького опыта войн XX в., их зримых следов в судьбах людей. Простота окружающего быта усугубляет ощущение безрадостности и глубины молчания лет, прожитых без отцов и сыновей. Где-то далеко в конце ущелья тучи расступаются, и солнечные лучи ложатся на горные склоны, даря надежду на жизнь без войны. «Память гор» – философско-художественное размышление о горькой и героической судьбе нескольких поколений народа Южной Осетии.

«Писатель, профессор Нафи Джусойты». Х., м. 41×51. 1987

«Эхо войн прошедших». Х., м. 200×140. 1980

«Память гор». Х., м. 105×146. 1987

Григорий Котаев и Людвиг Чибиров, выходцы из соседних селений, впервые встретились в конце 1950-х в сталинградском художественном училище, где оба преподавали. Тогда же началась их дружба, продолжавшаяся до последних дней жизни художника. Л. А. Чибиров – доктор исторических наук, политический деятель, публицист, ректор Юго-Осетинского государственного педагогического института (1988–1992), по его инициативе преобразованного в ЮОГУ (1993), автор 160 научных трудов на осетинском и русском языке. Художник смог передать одновременно собранность и динамику образа, сосредоточенные в крепко сомкнутых губах, в озабоченно нахмуренных бровях, в твердости взгляда будущего первого Президента Южной Осетии (1996–2001). При Л. А. Чибирове была принята первая Конституция РЮО, подписаны Меморандум о принципах мир-

ного урегулирования грузино-осетинского конфликта, другие важнейшие документы. Л. А. Чибиров стал и первым исследователем жизни и творчества Котаева, который для него всегда был «личностью с большой буквы, обладающей завидным даром объединять и сплавлять людей» и «одним из самых эрудированных представителей нашей интеллигенции» [5].

Портрет Баграта Техова – волевое лицо с «решительной» формой бровей и пронзительным взглядом – художник пишет на фоне артефактов открытого ученым Тлийского могильника. Археолог-кавказовед, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РЮО, автор 15 монографий, главный редактор журнала «Nartamonga» (1992–2015, совместно с Франсуа Карнийо), Б. В. Техов открыл «более 500 (!) древних захоронений, с хронологическим охватом от эпохи средней бронзы до раннего средневековья» [25].

Котаев создает портреты женщин, обаяние которых – в душевном изяществе, в тонких

«Археолог, профессор Баграт Техов». Х., м. 47×61. 1987

«Портрет профессора Л. А. Чибирова». Х., м. 50×40. 1985

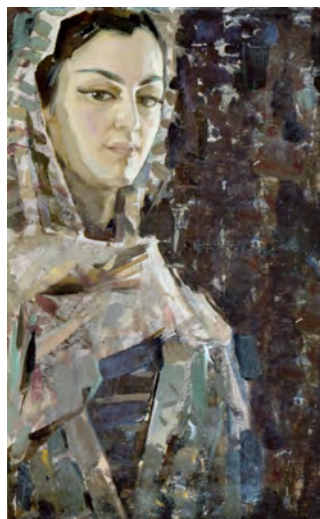

«Катерина. Портрет супруги». К., м. 75×50. 1986

«Портрет матери» (этюд). Х., м. 45×35. 1955

«Аза». Б., п. 33×27. 1970-е

«Осетинка-горянка». К., м. 80×50. 1971

движениях умудренного жизнью сердца. «Портрет матери», немолодой женщины с большими выразительными глазами, – одна из самых трогательных работ художника. В портрете супруги соединяются душа и сердце – это звучащее, солнечное тепло. При создании портрета Азы Алмазовой, переводчицы исследования Ж. Дюмезиля

«Осетинский эпос и мифология», художник использует орнаментальный принцип стилизации. Мазки-границы находятся в непрерывном движении, обладают музыкальностью и тяготеющей к синим тонам колористической интонацией. Их динамичность органично сочетается с восточной красотой и достоинством А. Алмазовой.

Складки платка создают объем и подчеркивают благородную бледность «Осетинки-горянки», тонкую линию черных бровей, выразительность глаз, едва сдерживаемый каскад чувств. Живопись складывается из энергичных широких кристаллообразных мазков. Здесь, как и в работе «Аза», художник отдает дань «врубелевской гранености» формы.

Котаев был не только замечательным живописцем, но и прекрасным рисовальщиком. Линия Котаева – богатая, сложная ткань, то прозрачная, как паутина, то густая и заплетенная, как кружево («Старый Цхинвал», «Гитарист»).

С конца 1980-х гг. в России начался процесс переосмысления многих фактов современной истории. Годы перестройки отчетливо показали, что национальные отношения небеспроблемны, более того, они подчас могут становиться конфликтными, что во всем трагизме пережили жители ЮОАО ГССР, которая из автономной области была преобразована в Республику Южная Осетия, а в 1991 г. провозгласила независимость. «В разгромленном, блокадном городе с трудом восстанавливались структуры власти, крайне медленно предпринимались меры по оказанию помощи попавшим в беду людям, за пределы Юго-Осетии почти не поступала объективная информация о положении дел. В этой ситуации начал работать Фонд «Возрождение Юго-Осетии». В первые недели работы фонда – самые трудные недели – огромную работу провел председатель Совета фонда Котаев Г.С. ... По общему нашему мнению, вряд ли кто-либо мог это сделать лучше него» [26]. При непосредственном участии Г.С. Котаева начала выходить учрежденная фондом газета «Вестник Южной Осетии».

Котаев руководил Юго-Осетинским отделением Фонда культуры ГССР. «Я рад, что именно Вы возглавляете Фонд культуры: нужный человек на нужном месте», – писал ему В.И. Абаев [4]. А после упразднения фонда именно Котаев обратился к Д.С. Лихачеву с просьбой о переподчинении союзному Фонду культуры. Котаев был бессменным депутатом Цхинвальского горсовета, членом областного архитектурного совета и комиссии по присуждению Госпремии им. К.Л. Хетагурова, ректором городского Народного университета [5].

В начале 1990-х гг. художнику чуть больше шестидесяти лет. Вместе с семьей он скрывается в подвале своего дома от шквального огня, прикрывая собой внука. Все чаще и сильнее боль в груди. Именно тогда, отложив кисть, Г.С. Котаев берется за перо. Под псевдонимом Адам Безродный с негодованием, горечью, иронией, юмором пишет он о «результатах» перестройки: «Не слишком ли много жертв? Да и перестройка штурмом в такой огромной стране? А то вот в наших экспериментах мы все еще продолжаем жить для грядущих поколений, тогда как цивилизованный мир давно нашел

принцип разумной гармонии жизни для людей всех поколений» («Урок демократии»). Делится мыслями о гласности, демократизации, плюрализме, о том, что «при достаточно развитом самосознании недостаточно иметь равные права, надо систематически подкреплять их и равными возможностями» («Мысли вслух»). Как очевидец, пишет о войне: «Блокада, холод, голод, в том числе информационный. Люди подвергаются пыткам, потрясающим воображение. Страх за безопасность детей, близких, и не только» («Открытое письмо из осажденного города»). Пишет о культуре как понятии «всеобъемлющем», о том, что непонимание этого ведет к катастрофе («Дефицит культуроемкости»). В юмористической зарисовке «В рай – транзитом» констатирует потерю нравственных ориентиров в современном мире. Герою рассказа приснилось, что он в «царстве Барастыра» – бога подземного мира – стоял в огромной, томящейся очереди. Проходили недели, месяцы, но его никак не могли определить ни в ад, ни в рай. То «пятна на его совести без четких контуров, но размеры их вызывают озабоченность», то «видите ли, грех его не так велик, чтобы укатить прямо в ад, но вполне достаточен, чтобы не допустили в рай». А в ответ на свое робкое возражение: «Но у меня есть свежая справка, подлинная, о наличии совести», – услышал гомерический хохот:

– Какая совесть! Кому нужна еще совесть? Впрочем, попробуйте сдать ее в магазин уцененных товаров, авось примут! Ха-ха-ха-ха-ха!

Рассказ заканчивается возвращением героя на землю, но картина мира, где упоминание о совести вызывает хохот, удручает. Да, Адам Безродный писал о наблевшем с юмором, смеясь сквозь слезы. Но сердце художника не выдержало...

Закончить краткий рассказ о взгляде Григория Котаева на историю Южной Осетии хотелось бы выдержками из воспоминаний его друзей и коллег.

«Ваша гражданская и творческая позиция достойна глубокого внимания и искреннего уважения» (Ю. Кучиев). «От души радуется меня заслуженная Вами искренняя

«Старый Цхинвал». Б., к. 22х33. 1948

любовь и признание народа» (А. Касрадзе). «Высокие человеческие качества в сочетании с блестящими способностями... снискали любовь и уважение нашего народа к Вам, пламенному патриоту» (И. Котолов). «Не нахожу слов, чтобы выразить свое восхищение тем, что Вы делаете для нашего народа. Вы – мой идеал как Человек и Гражданин» (В. Валишвили) [4].

«Григорий Сесеевич был человеком высочайшей человечности, неброской, истинной, жизнеутверждающей. Григорий Сесеевич был для всех нас прежде всего эталоном чистой нравственности. Горжусь, что могу назвать его своим Учителем – Учителем жизни. Как Атлант, он держал на своих плечах свод нашей духовности. Остались его картины, отмеченные печатью яркого таланта. Остались литературные произведения, блестящие новизной и острым смыслом. Осталась – и это главное – благодарная память в сердцах людей» [26].

Использованные источники

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Кавказ. М.: Сервис, 2002.
2. Котаев Г. С. Дефицит культуроемкости. 1990 (из архива семьи Котаевых).
3. НА СПГХА оп. 5, д. 257, л. 2, 3, 23, 18, 25-26.
4. Письма и поздравительные телеграммы из архива семьи Котаевых.
5. Чибиров Л. А. Григорий Котаев. Жизнь во благо народа. Цхинвал, 2017.
6. Нарты. Эпос осетинского народа/Под ред. Абаева В. И. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
7. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // Избр. тр. Владикавказ: Ир, 1990.
8. Исаев М. И. Страна гор – гора народов, языков и проблем. Предисловие к «Поэме об Алгузе»/Сост. Хадонов Е. А. и др. М.: Мысль, 1993.
9. Гутнов Ф. Х. Аристократия алан. Владикавказ: Ир, 1995.
10. Историк З. Чичинадзе об осетинах // iristoninfo.livejournal.com [электр. ресурс] (дата обращения 24.07.2020).
11. Баев Г. В. Предисловие к берлинскому изданию «Поэмы об Алгузе». М.: Мысль, 1993.
12. Поэма об Алгузе/Сост. Хадонов Е. А. и др. М.: Мысль, 1993.
13. Шафири И. Раньше Осетия славилась долгожителями //osetia.kvaisa.ru [электр. ресурс] (дата обращения 06.07.2017).
14. Потто В. А. Кавказская война. Т. 5. Время Паскевича, или Бунт Чечни. IX. Покорение южных осетин. Воспоминания участника событий В. Чудинова. М., 1899.
15. ЦГИА Гр. ССР, ф. 1178, д. 59, л. 16-19. 1851 г. июля 30. Сентенция комиссии военного суда при Тифлисском ордонанс-гаузе по делу Томаева Махамата // vostlit.info [электр. ресурс] (дата обращения 19.07.2020).
16. Хетагуров К. Л. Фатима // Избранное. Стихотворение и поэмы. Орджоникидзе: Ир, 1953.
17. Кулумбеков Р. Маленький факт большой истории. Закавказская железная дорога. 8 июня 1940 года // osinform.org [электр. ресурс] (дата обращения 13.07.2020).
18. Цховребов И. Н. Южная Осетия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // south-ossetia.info [электр. ресурс] (дата обращения 02.05.2020).
19. Чибиров Л. А. О художнике Г. С. Котаеве. Владикавказ, 2017 (рукопись).
20. Из беседы автора статьи с К. Дзугаевым, сыном поэта Г. Дзугаева. 25.06.2020.
21. Стихотворения любезно предоставлены сыном поэта К. Дзугаевым.
22. Чибиров Л. А. Гордость нации // Имена. Владикавказ, 2010.
23. Джусойты Н. Г. Старик благословляет солнце/Пер. Хугаева И. // Литературная Россия. 2017. № 39.
24. Южная Осетия год за годом. Год 1956 // Республика. 13.12.2013.
25. Чибиров Л. А. Слово о профессоре Б. В. Техове // Вестн. ВНЦ. 2010. Т. 10. № 4.
26. Дзугаев К. Г. На пути к воссоединению Осетии. Цхинвал-Владикавказ: ИПЦ ИП Цопанова А. Ю., 2016.